

**СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЧУКОТКЕ
ДО СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА (1883-1929 гг.)**

Статья посвящена развитию просвещения на Чукотке до 1930 г. На основе разных источников показаны рост количества школ и поиск новых форм и методов школьной работы на Крайнем Севере.

Ключевые слова: народное образование, Чукотский национальный округ, Чукотка, Крайний Север, кочевая школа, школа-интернат, Народный комиссариат просвещения.

Первая школа на огромной территории Чукотки была открыта в 1883 г. в с. Марково по просьбе самих жителей. Учителем стал работать обрусевший чуванец, псаломщик местной церкви Афанасий Ермилович Дьячков. Программа обучения была крайне простой, но, посещая школу, дети в течение 5-6 лет овладевали некоторой грамотой, могли читать и писать по-русски. За время работы в школе с 1883 по 1907 гг. А. Дьячков обучил 65 мальчиков и 50 девочек, среди них были в основном дети мещан, крестьян и казаков, детей жителей коренных национальностей училось очень мало [1. С. 130]. В 1889 г. в Ново-Мариинском посту была открыта миссионерская школа для девяти чукотских детей, а в конце XIX в. в пос. Пятистенное на р. Большой Анюй начала работу еще одна церковно-приходская школа [2. С. 68]. Так, в 1915/16 учебном г. на Чукотке по-прежнему действовали 3 церковно-приходские школы (одна — в Анадырском и две — в Чукотском уезде), где обучалось всего 30 учащихся [3 С. 108, 129].

Согласно И.С. Вдовину, впервые вопрос о создании школ Министерства народного просвещения возник в 1910 г., когда жители селения Уньин (с. Чаплино) обратились непосредственно к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой открыть в стойбище «правительственное училище ведомства Министерства народного просвещения». Приамурский генерал-губернатор обратился в Министерство внутренних дел с предложением об учреждении школы на Чукотском полуострове в с. Чаплино для эскимосов, а в с. Уэлен для чукчей. Обе школы были открыты в 1916 г. [4] Г.Ф. Севильгаев в своих работах называет министерскую школу, открытую на Чукотке до 1917 г. в эскимосском селении Наукан [5].

Таким образом, школьная сеть Анадырского округа до 1917 г. насчитывала 6 школ: 3 церковно-приходских и 3 Министерства народного просвещения.

В дореволюционный период на Чукотке обучение детей велось на русском языке, что, однако, не исключало использования в ходе занятий языков местных народностей. Так, известно, что Афанасий Дьячков на втором десятилетии своей учительской деятельности изучил чукотский и эвенский языки и исполь-

---

* © Талызин О.Г., 2009

Талызин Олег Георгиевич — кафедра документоведения и документационного обеспечения управления Чувашского госуниверситета

звал их при «растолковании наиболее трудных для детей русских понятий». Помимо этого интересный факт попытки использовать при обучении родной язык учащихся приводится Г.Ф. Севильгаевым. В августе 1885 г. Якутский епархиальный миссионерский комитет обратился в Колымское окружное управление с просьбой «подобрать учителя, способного обучать учеников средне-колымского училища чукотскому языку». Учитель, способный «обучать по-чукотски», был найден, но все обучение на чукотском языке свелось лишь к изучению чукотскими детьми «Присяги» для принятия российского подданства [6].

В годы гражданской войны школы Чукотки функционировали с большими перебоями. К моменту окончательного установления советской власти летом 1923 года ни одна школа, судя по докладу коммуниста Н.И. Кривицына Камчатскому губревкому от 9 октября 1923 г., фактически не работала [7].

После ликвидации последних отрядов белогвардейцев в крае Дальбюро РКП(б) и Дальневосточный революционный комитет в основу своей деятельности положили решения X съезда РКП (б) 1921 г., в которых в числе прочих задач указывалось на необходимость «поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [8].

Практическая работа по осуществлению этих требований началась с создания в марте 1922 г. при Наркомате национальностей (Наркомнаце) Полярного подотдела по охране и управлению племенами Севера, проводившего работу по оказанию экономической помощи народам Крайнего Севера, изучению их культурного и экономического положения. На Дальнем Востоке в декабре 1922 г. при отделах управления Дальревкома и Камчатского губревкома создаются так называемые туземные подотделы, подведомственные Полярному подотделу. Туземные подотделы во всех национальных районах края имели своих уполномоченных. Однако радикальное преобразование всего уклада жизни малых народов требовало создания специального органа, который бы организовал тщательное изучение особенностей малых народов, а также в широких масштабах подготовку национальных кадров, внес научные основы в традиционные отрасли хозяйства, привлек имеющихся специалистов-североведов.

Таким органом стал продолживший работу Полярного подотдела Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), созданный 20 июня 1924 г. непосредственно при ВЦИК. Его задачей стало «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». К работе Комитета Севера были привлечены 25 крупных ученых и опытных исследователей Севера: Ф.Я. Кон, В.Г. Богораз-Тан, Н.А. Семашко, С.А. Бутурлин, Л.Я. Штернберг, К.Я. Лукс, А.Е. Скачков и другие. Постоянным руководителем Комитета Севера был П.Г. Смидович [9]. Центральный Комитет Севера 26 октября 1924 г. принимает постановление об организации при республиканских, областных и губернских центрах местных комитетов северных народностей. Так, 12 мая 1925 г. при президиуме Дальревкома был создан Комитет народов Севера в составе трех человек под председательством Я.Б. Гамарника. Такой же комитет был создан и при Камчатском губревкоме [10].

Дальневосточный Комитет народов Севера начал свою деятельность с проведения одного из важнейших мероприятий — Первого туземного съезда ДВО в 1925 г. Его материалы дали возможность Далькрайкому ВКП (б) и Далькрайис-

полному наиболее полно определить задачи Дальневосточного комитета Севера, разработать и 15 октября 1926 г. утвердить «Временное положение о комитете содействия народностям Дальнего Востока». Этим положением, наряду со многими другими задачами, на Дальневосточный комитет Севера возлагались задачи изучения истории, культуры и быта малых народов, разработка планов школьной и политико-просветительной работы среди них, организация туземных школ с интернатами, краткосрочных общеобразовательных и специальных курсов.

Первой задачей культурного строительства на Чукотке стало восстановление работы всех закрытых в годы гражданской войны школ. Уже в сентябре-октябре 1923 г. начали работу Ново-Мариинская, Уэленская и Марковская школы (уже в качестве советских школ I степени), в октябре 1924 г. были заново открыты Науканская и Чаплинская начальные школы [11]. С возобновлением работы дореволюционных школ к 1925 г. период восстановления школьной сети на Чукотке закончился.

В основу организации школ на Чукотке, как и во всей стране, было положено «Положение о единой трудовой школе РСФСР», утвержденное особым декретом ВЦИК РСФСР 16 октября 1918 г. Единая трудовая школа состояла из 2 ступеней: первая ступень — 5 лет обучения и вторая ступень — 4 года обучения. Осенью 1921 г. Наркомпрос РСФСР принимает постановление о реорганизации школы, установив для первой ступени 4-летний срок обучения, а вторую подразделив на два центра: первый центр — 3 года, второй — 2 года. Таким образом, появляется семилетняя школа, которая стала рассматриваться как соединение первой ступени с первым центром школы второй ступени [12].

На Чукотке все открытые школы были школами первой ступени. В 1926/27 учебном году здесь действуют уже 6 школ: Уэленская, Ново-Мариинская, Марковская, Чаплинская, Науканская и Еропольская, в которых обучалось 381 школьник, что составило 17,4 % всех детей школьного возраста [13].

Наряду с организацией обучения детей и созданием школ всеобща уже в 1925 г. началась работа по ликвидации неграмотности взрослого населения. Жители Марковской волости организовали первое на Чукотке общество «Долой неграмотность» и открыли 7 ноября пункт ликвидации неграмотности в с. Марково. За 1925 г. пунктом было обучено 26 человек. В Чукотском районе в 1925/26 учебном году работали три ликпункта, в которых обучалось 57 чукчей и эскимосов. Но этого было крайне мало, по данным Приполярной переписи 1926 г. из 12 тысяч коренного населения Чукотки только 74 человека (менее 1 %) имели первоначальные навыки грамотности, то есть умели читать и писать. Среди 6854 оленеводов-кочевников (55,2 % населения) не было ни одного грамотного человека. Из всего населения округа 12401 человек грамотные составляли 4,4 % [14].

В 1927/28 учебном году на Чукотке действовало уже 10 школ [15]. Росла необходимость в более широком охвате обучением населения, а содержать даже эти школы на Севере, открытые в первые годы после установления Советской власти, было очень трудно: не хватало учителей, финансовых средств и школьного оборудования. Для дальнейшего развития народного образования необходимо было строить новые учебные заведения. Строительство школьных зданий на Севере было делом чрезвычайно затратным и сложным: отсутствие на местах строительных материалов и квалифицированных строителей, огромные расстояния, сложность транспортных схем требовали больших усилий и времени для возведения даже самых простых зданий. Одновременно необходимо было решать главный вопрос — какая школа нужна для народов Крайнего Севера.

В целом по Дальневосточному краю восстановительный период закончился, как и на Чукотке, к 1925 г., что и зафиксировал Первый туземный съезд ДВО, проходивший в Хабаровске летом 1925 г. Съезд принял резолюцию «О школьно-просветительной работе среди туземцев ДВО», предусматривающую строительство новых школ. Как отмечает Г.Ф. Севильгаев, «если до съезда школы открывались, как правило, там, где были какие-то возможности (наличие помещения, учителя, желание родителей и пр.), то после съезда новые школы открывались прежде всего там, где они были наиболее необходимы, хотя для этого надо было строить помещения» [16].

В 1925 г. остро встал вопрос о том, какой должна быть национальная школа Крайнего Севера, что подтверждается и дискуссией о будущем народного образования среди народностей Крайнего Севера, развернувшейся в печати. Открытие на Дальнем Востоке в 1924/25 учебном году интернатов при двух школах стало практическим претворением планов Дальневосточного краевого отдела народного образования (Дальоно) по созданию в крае интернатов при национальных школах. Коллегия Наркомпроса одобрила решение Дальоно, предложив «продолжить начатую работу по просвещению северных народностей и, в частности, по организации школ с интернатами для них». И уже в июне 1925 г. Первый туземный съезд ДВО, о котором говорилось выше, принимает резолюцию, предусматривающую строительство 15 новых школ с интернатами [17].

В 1920-е гг. школы-интернаты не получили широкого распространения на Дальнем Востоке (в 1929/30 учебном году во всем Дальневосточном крае их насчитывалось 23). Необходим был дальнейший поиск нового, более рационального типа школ, который бы максимально учитывал особенности Крайнего Севера. Наиболее целесообразным типом учебного заведения на Чукотке были признаны так называемые культурные базы или медико-торговые училища (по мнению ученого-североведа В.К. Арсеньева).

В декабре 1924 г. Дальревкому были представлены материалы работы комиссии, согласно которым медико-торговое училище представляло собой комплекс учреждений, в том числе школу, медицинский пункт, кузнечно-слесарную мастерскую и кооператив. Обучение было рассчитано на 5 лет, при школе планировался интернат на 40 человек. Кроме того, в январе 1925 г. Дальоно направил Камчатскому губревкому указание о том, чтобы были подобраны места для открытия двух культбаз уже к началу 1925/26 учебного года. Камчатский губревком выбрал поселки Уэлен (на Чукотке) и Тиличики (на Камчатке) и предложил добавить в комплекс культбазы метеостанцию, ветеринарный пункт, снабженческий магазин, пункт «заготпушнина», а также ряд других учреждений, чтобы место работы школы посещалось не только родителями, но и всем оседлым и кочевым населением близлежащего района.

Результаты работы комиссии В.К. Арсеньева вместе с предложениями Камчатки и объяснительной запиской к ним в марте 1925 г. были направлены Комитету Севера при ВЦИК. По мнению Г.Ф. Севильгаева, эти материалы и легли в основу решения Комитета Севера о культбазах. Летом 1925 г. проект комиссии В.К. Арсеньева был выдвинут на обсуждение участников Первого туземного съезда ДВО. Съезд активно поддержал идею, назвав новое заведение «наиболее подходящим и жизненным типом школ, могущим поднять не только культурный уровень туземцев, но и экономическое положение их...», и в свою очередь предложил добавить в комплекс культбазы «небольшие кузнечные, столлярные и бондарные мастерские». Согласно принятой на съезде резолюции, в течение 10 лет должны быть организованы на государственные средства не

менее 15 таких школ на Дальнем Востоке, в том числе три на Чукотке (в селах Уэлен и Чаплино, а также на реке Анадырь) [18].

Так культбазы явились наиболее удачным и эффективным типом северной школы, одновременно решающим ряд важнейших проблем. Их преимущество перед другими типами культурно-просветительных учреждений было очевидно, что отмечалось и советскими исследователями [19]. Во-первых, соединение со школой единого комплекса учреждений, тесно связанных с потребностями местного населения, не только обеспечивало посещение культбаз северянами, а значит, решало проблему наполняемости школы, но и лучше любого агитатора убеждало коренное население (особенно молодежь) в пользу грамотности; во-вторых, достигалась концентрация значительной группы разных специалистов в одном месте непосредственно в национальных районах, что в свою очередь создавало условия для работы по единому плану, предусматривавшему проведение разносторонних и в то же время подчиненных одной цели мероприятий; в-третьих, школы при культбазах к этому времени были в большинстве своем образцовыми для районов Крайнего Севера, в них сосредоточены лучшие учителя, оборудовались они в первоочередном порядке и находились на государственном бюджете. Эти школы являлись центрами методического руководства и помощи в работе учителей своего района; в-четвертых, на культбазах проводилось не просто обучение по школьной программе, а предусматривалась подготовка из числа северян специалистов низшего звена для медицинского, ветеринарного и культурно-бытового обслуживания местного населения; в-пятых, культбазы играли роль своеобразных научно-практических лабораторий, где велась исследовательская работа по изучению культуры и быта северных народов, отрабатывались оптимальные приемы и методы работы с местным населением, определялись пути решения проблем, возникающих в жизни малых народов.

Первой культбазой на Северо-Востоке стала Чукотская, построенная осенью 1928 г. на берегу залива Лаврентия в 80 км от центра Чукотского района пос. Уэлен в местечке под названием Каттыка. На строительство культбазы было израсходовано 134279 рублей. В составе Чукотской культбазы помимо школы-интерната, были больница, бактериологическая лаборатория, лазарет для заразных животных, газокамера, баня-прачечная и три жилых дома. Штат культбазы состоял из 11 человек. Здесь же была основана фактория (торговые склады) Дальгосторга, открыт заготовительный пункт «Союзпушнина». Позднее на культбазе вступили в строй бытовые мастерские и открыт один из первых на Дальнем Востоке краеведческий пункт. Свой первый учебный год школа-интернат культбазы начала с 16 учащимися, разделенными на 2 группы — старшую и младшую. Обучение детей старшей группы было рассчитано на три года, на протяжении которых они готовились для работы в кооперации, заготпункте и даже в советском аппарате. Обучение детей младшей группы было рассчитано на 7 лет и имело целью готовить специалистов узкой профессии: ветеринара, медсестру, работника баклаборатории, метеостанции и пр. [20] Руководителем Чукотской культбазы был назначен Т.З. Семушкин, в дальнейшем ставший известным советским писателем.

При культбазе в январе 1929 г. для детей была открыта учебно-показательная мастерская, большое место в которой занимало косторезное дело. Учащиеся старшей группы в неучебное время получали необходимые профессиональные знания и умения в специально созданном на культбазе кооперативе. К концу 1928/29 учебного года в первой на Чукотке школе-интернате при культбазе занималось 28 учеников, а в 1929/30 учебном году — 33 школьника. Почти все учащи-

еся вступили в пионерский отряд, продолжительность учебных занятий в школе с 82 дней в 1928/29 учебном году увеличилась до 120 дней в следующем учебном году [21].

Начиная с 1929/30 учебного года в трудовой подготовке учащихся получило развитие так называемое «ученичество», суть которого состояла в том, что лучшие учащиеся, не прерывая обучения в школе, по их выбору прикреплялись к кому-либо из специалистов — ветврачу, фельдшеру, кооператору, инструктору по советскому и кооперативному строительству и, работая на правах помощников, осваивали ту или иную профессию. У одного специалиста могло быть несколько таких помощников. Работа учителей с детьми в школе-интернате дополнялась их усилиями по ликвидации неграмотности среди приезжающих чукчей и эскимосов. Немалую работу с взрослым населением, особенно с кочевниками, проводили и другие специалисты.

Несмотря на ряд трудностей из-за нехватки финансовых средств, недостатков в снабжении школы-интерната учебным инвентарем и письменными принадлежностями, Чукотская культбаза сыграла значительную роль в просвещении коренного населения края. Результатом школьно-просветительской работы, оказания северянам разносторонней медицинской, ветеринарной и прочей помощи, а также обеспечения их товарами широкого потребления, орудиями лова и огнеприпасами явилась прежде всего исключительная популярность Чукотской культбазы, в скором времени превратившейся в своеобразный центр, куда потянулись не только оседлые жители близлежащих стойбищ, но и кочевники, нередко специально приближавшие к ней маршруты своих перекочевков.

Высокий авторитет культбазы позволил начать планомерную работу среди кочевого населения района. В 1929 г. для «планомерного проведения политической, культурно-просветительной и хозяйственной работы» среди кочевников-оленеводов Чукотская культбаза организовала так называемую Красную ярангу. Это была обычная чукотская яранга, обогревавшаяся и освещавшаяся керосиновыми лампами, её полог служил спальней и столовой для работников, здесь же принимали гостей-оленеводов, проводились беседы, устраивались киносеансы и т.п. Она стала первым учреждением культуры на Чукотке, предназначенным для обслуживания кочевников. Кроме того, в 1930 г. культбаза организовала и обеспечила успешную работу кочевой школы [22].

Это было очень важно. Кочевники, в том числе чукчи-оленеводы, отказывались отдавать детей в школу. Дело в том, что дети оленеводов постоянно привлекались к выполнению ряда хозяйственных работ, являясь постоянными помощниками родителей. Мальчики выпасали оленей, девочки помогали матерям в ведении домашнего хозяйства. И не просто помогали, их участие в ведении хозяйства было необходимостью. Поэтому, признавая надобность работы врачей и ветеринаров, кочевники не усматривали никакой практической пользы от деятельности учителя, вследствие чего в ответ на обращение отпустить детей в школу они отвечали: «Учитель не нужен, школа тоже: грамота нам ни к чему. У нас одна школа, мальчика сделать хорошим оленеводом, девочку — хозяйкой яранги» [23]. Это делало почти невозможной не только работу интернатов для детей кочевников, но сильно затрудняло деятельность кочевых школ. «Дмитрию Петровичу Коржу, учителю кочевой школы, удалось организовать обучение детей оленеводов только после того, как он показал свое мастерство, ремонтируя металлическую посуду, оружие, капканы. Оленеводы стали с уважением относиться к этому учителю и доверили ему своих детей, а вначале они считали его бездельником, который ради утех играет с детьми» [24].

Одновременно учителя вынуждены были изучать языки северных народностей, их быт, культуру. Среди первых молодых учителей-энтузиастов, прибывших на Чукотку, в дальнейшем выросло немало ученых, таких как И.С. Вдовин (доктор исторических наук), П.Я. Скорик и Г.А. Меновщиков (доктора филологических наук), Л.В. Беликов (кандидат филологических наук), Е.С. Рубцова (кандидат филологических наук, составитель академического эскимосско-русского словаря) [25].

Опыт работы первых педагогов быстро показал, что национальные школы Дальнего Востока нуждаются в кадрах, знающих северные языки, необходимы особые учебники и методические пособия, национальная письменность. Сразу же выяснилась острая нехватка национальных кадров учителей. История осуществления этих задач среди малых народов Советского Севера изучена такими исследователями, как А.Г. Базанов, М.Г. Воскобойников, Г.Ф. Севильгаев [26].

Решение о введении письменности для народов Севера было принято Наркоматом национальностей еще в 1922 г. После этого начала свою работу по введению письменности комиссия, в которую вошли представители Наркомнаца, Наркомпроса, Академии наук и ученые-североведы В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг и другие. Однако к 1930 г. проблема письменности народов Севера так и не была решена. Разрешение языковых проблем среди малых народов Дальнего Востока представлялось делом более сложным, чем где-либо в других районах Советского Севера. Эта сложность обуславливалась прежде всего многочисленностью разноразличных народностей, наличием внутриязыковых диалектов и, что особенно важно, неизученностью языков. Немалая трудность состояла и в том, что ни страна в целом, ни тем более Дальний Восток в те годы не располагали достаточным количеством специалистов по северным языкам.

Но и в ходе обучения на русском языке возникали проблемы: учебники, переиздаваемые на Дальнем Востоке и присылаемые из центра, не подходили по своему содержанию не только к национальным, но и ко многим русским школам Дальнего Востока. В этих книгах обучение строилось на примерах природы и быта средней полосы России, для многих северян были непонятны многие явления, предметы, которые они не видели в жизни. Решить эту проблему было призвано созданное в 1926 г. по инициативе Наркомпроса и Комитета Севера при ВЦИК Ленинградское филиальное отделение Комитета Севера, приступившее к «разработке общего типа учебников для туземных школ на русском языке» [27]. Работа авторов, в число которых входил В.Г. Богораз, в 1927 г. завершилась созданием серии книг для учащихся первых лет обучения школ Крайнего Севера. В числе первых учебников появился букварь для северных народностей, составленный на материале, близком к быту и особенностям таких народностей, как чукчи, эскимосы и коряки [28]. Это была первая книжка, на страницах которой дети Чукотки впервые увидели хорошо знакомого оленя, моржа, полярную сову и других представителей животного мира края.

Оценивая языковую ситуацию в северных школах, руководитель Наркомата просвещения А.В. Луначарский в 1927 г. говорил: «Раздробленность северных народностей и языков создает для нас чрезвычайные трудности в смысле обучения детей на материнском языке. Мы знаем, как уродливо, непедагогично учить детей на русском языке; но здесь ничего другого сделать нельзя, ибо учителей, которые говорят на родном для детей языке, почти нет; собственной интеллигенцией малые народы не обладают... Впоследствии мы, может быть, и сможем более или менее удовлетворительно разрешить эту задачу, но пока нам придется делать отступление и обучение на родном языке временно отложить» [29]. В том же 1927 г. расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК,

обсудивший доклад А.В. Луначарского «О школьно-просветительной работе среди народностей северных окраин», вынужден был признать «необходимым практическое изучение учителями туземных школ языков малых народностей».

Таким образом, проблема языка обучения, письменности и учебников для народов Крайнего Севера к 1930 г. ещё не была решена в полной мере.

Одной из основных проблем развития образования на Чукотке, как и на всем Дальнем Востоке, была проблема создания материальной базы северных школ, которые испытывали острую нужду в школьно-письменных принадлежностях, наглядных пособиях и учебном оборудовании. Практическое разрешение этой проблемы осложнялось еще и тем, что в национальных районах Дальнего Востока ощущался острейший недостаток финансовых средств. Бюджет Дальревкома в первой половине 1920-х гг. был настолько мал, что не было возможности выделить средства не только на строительство помещений для тех немногих школ, которые как-то продолжали существовать, но и на их текущее хозяйственное содержание. В этих условиях значительная доля расходов (до 90%) на содержание школ была возложена на местное население. Строительство новых школ также было невозможным без материальной поддержки северян, поэтому Дальбюро ЦК РКП (б), Дальревком, парткомы и ревкомы на местах обратились за помощью к населению и по вопросу сооружения школ. Несмотря на исключительно трудное материальное положение, население многих сел живо откликнулось на обращения. Так, например, на средства и силами местных жителей была построена школа в с. Наукан Чукотского района.

Лишь в 1926 г. значительный рост бюджетных ассигнований на просвещение (до 22% местных бюджетов Камчатского округа) дал возможность не только освободить население от содержания школ и взять их на местный бюджет, но и в значительной степени увеличить заработную плату учителей. Это еще не означало, что средств на просвещение было достаточно, однако важно было то, что они с каждым годом увеличивались. Со второй половины 1926 г. была введена «постатейная» форма финансирования школ, в результате чего в ежегодной смете каждой начальной школы предусматривались средства прямого назначения: на приобретение учебного оборудования, школьно-письменные принадлежности, библиотеку. Ежегодное увеличение финансовых средств, определение в школьных сметах постатейных ассигнований дали возможность органам народного образования с 1928 г. перейти на планомерное строительство школ и интернатов в национальных районах Дальнего Востока, а также постепенно осуществлять планирование по обеспечению школ необходимой мебелью, учебным оборудованием и наглядными пособиями. Однако наиболее распространенным видом школьных помещений на Чукотке, как и на всем Северо-Востоке, оставались яранги, палатки и землянки. Даже к началу 1930-х гг. проблема создания материальной базы для национальных школ Чукотки, как и всего Дальнего Востока, так и не была решена.

В 1930 г. на Чукотке насчитывалось 13 школ, в которых работало 23 учителя и обучалось 388 учащихся. Но на такую огромную территорию этого было явно недостаточно, и около 1300 детей школьного возраста, то есть 78 %, оставались вне школы. В общем, несмотря на некоторые успехи в развитии народного образования на Чукотке, к началу 1930-х гг. были сделаны всего лишь первые шаги в области просвещения. По-настоящему строительство системы образования в этой отдаленной окраине разворачивается лишь с принятием 25 июля 1930 г. Постановления ЦК ВКП (б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» и образованием 10 декабря 1930 г. на территории Чукотки национального округа.

Библиографический список

1. История Чукотки с древнейших времен до наших дней (Далее – История Чукотки...). – М.: Мысль, 1989. – 494 с.
2. Богораз-Тан, В.Г. Чукчи / В.Г. Богораз-Тан. – Л.: Ин-т народов Севера, 1934. – Ч. I. – 192 с.
3. Севильгаев, Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока / Г.Ф. Севильгаев. – Л.: Просвещение. 1972. – 421 с.
4. Вдовин, И.С. Очерки истории и этнографии чукчей / И.С. Вдовин. – М.: Наука, 1965. – 403 с.
5. Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. – М.; Л.: Гос. изд-во Наркомпроса РСФСР. 1930.
6. Собрание узаконений РСФСР. – 1925. – № 12.
7. Северная Азия. – 1925. – № 3.
8. Верин, Л. Н. Становление и развитие народного образования на Колыме и Чукотке / Л. Н. Верин. – Магадан: Магаданское книжное издательство. 1969. – 94 с.
9. Народное образование в РСФСР. – М.: Просвещение, 1969. – 375 с.
10. Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф.Р-16. Оп. 1. Д. 28. Л. 101.
11. ГА ЧАО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 174. Л. 78.
12. ГА ЧАО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 16. Л. 67.
13. ГА ЧАО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 100. Л.49, 51.
14. ГА ЧАО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
15. Базанов, А. Г. Школа на Крайнем Севере / А.Г. Базанов, Н.Г. Казанский. – Л.: Учпедгиз, 1939. – 206 с.
16. Кронгауз, Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере / Ф.Ф.Кронгауз. – М.: Учпедгиз 1948.
17. Семушкин Т.З. Опыт работы по организации школы-интерната Чукотской культбазы ДВК/Т.З. Семушкин // Советский Север. – 1931. – № 3-4.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 937. Л. 60-61.
19. Орловский, Н.П. Год Анадырско-Чукотского оленевода / Н.П. Орловский // Северная Азия. – 1928. – № 1.
20. Леонтьев, В.В. Школа и труд / В.В. Леонтьев. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1964.
21. Базанов, А.Г. Первые шаги Советской власти в области строительства школы на Крайнем Севере (1917–1930 гг.) / А.Г. Базанов // Просвещение на Советском Крайнем Севере. – 1967. – № 15.
22. Воскобойников, М.Г. Литература народов Крайнего Севера за 25 лет / М.Г. Воскобойников // Просвещение на Советском Крайнем Севере. – 1956. – № 6.
23. Воскобойников, М.Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров для школ народов Крайнего Севера / М.Г. Воскобойников // Просвещение на Советском Крайнем Севере. – 1958. – № 8.
24. Северная Азия. – 1926. – № 3.
25. Северная Азия. – 1927. – № 3.
26. Луначарский, А.В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере / А.В. Луначарский // Северная Азия. – 1927. – № 3.
27. ГА ЧАО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 28. Л. 107.
28. ГА ЧАО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 137. Л. 48.
29. ГА ЧАО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 174. Л. 78.

O.G. Talyzin

**THE STATE OF NATIONAL EDUCATION IN CHUKOTKA
BEFORE THE ESTABLISHMENT OF NATIONAL DISTRICT
(1883-1929 YEARS)**

The article is devoted to the development of education in Chukotka before 1930 years. On the base of different sources the growth of number of schools and a search for new forms and methods of teaching on the Far North are shown.

Key words: national education, Chukotka National district, Chukotka, Far North, nomadic school, boarding school, Narodnyi commissariat of education.